

ПРОЕКТЫ И РЕЦЕНЗИИ

Е. Б. КЛЕВОГИНА, И. О. МАРШАЛОВА
*(Историко-мемориальный центр-музей И. А. Гончарова,
г. Ульяновск, Россия)*

УДК 821.161.1-32(Гончаров И. А.)
ББК ШЗЗ(Рос=Рус)5-8,444

СИМБИРСКИЕ РЕАЛИИ В РОМАНЕ «ОБЛОМОВ» И. А. ГОНЧАРОВА (СИМБИРСК, С. АРХАНГЕЛЬСКОЕ И ПАНСИОН Ф. С. ТРОИЦКОГО КАК ПРООБРАЗЫ ОБЛОМОВКИ)

Аннотация: В статье рассматривается возможная связь реалий «Обломова» с некоторыми симбирскими мотивами и прототипами романа; впечатлениями детства и зрелых лет И. А. Гончарова от посещения дома, в котором родился писатель; наблюдениями ярких примет «обломовщины» в явлениях общественной и частной жизни Симбирска, воссозданных в очерке «На родине» и в письмах к родным и друзьям.

Ключевые слова: русская литература, прототипы, литературные образы.

*«... я писал только то, что переживал,
что мыслил, чувствовал, что любил, что близко видел и знал,
– словом, писал и свою жизнь и то, что к ней прирастало».*
(И. А. Гончаров. «Лучше поздно, чем никогда»)

В описании быта и нравов российской провинции, в особенности знаменитой Обломовки, И. А. Гончаров нередко опирался на симбирские впечатления сначала детства, затем зрелых лет. В письме к петербургским знакомым Майковым из Симбирска 13 июля 1849 г. он прямо называет родной город «благословенным богом уголком» [Гончаров 1955: 241], цитируя, с небольшими изменениями, строчку из недавно вышедшего в свет «Сна Обломова» («Где мы? В какой благословенный уголок земли перенес нас сон Обломова? Что за чудный край!») [Гончаров 1998: 98].

Обломовку нередко сравнивают с родным домом И. А. Гончарова, располагавшемся в центре Симбирска, на углу Большой Саратовской и Московской улиц. По описанию, которое даёт сам романист в очерке «На родине», дом его действительно представлял собой «целое

имение, деревню»: «Дом у нас был, что называется, полная чаша <...>. Большой двор, даже два двора, со многими постройками: людскими, конюшнями, хлевами, сараями, амбарами, птичником и баней. Свои лошади, коровы, даже козы и бараны, куры, утки – всё это населяло оба двора. Амбары, погреба, ледники были переполнены запасами муки, разного пшена и всяческой провизии для продовольствия нашего и обширной дворни» [Гончаров 1987: 249–250].

Дом, в котором родился И. А. Гончаров.
Фотография Г. Степанова. Симбирск. 1890 г. УКМ.

Такое описание даёт некоторое основание предположить: наверное, как и в *Обломовке* (ибо «какие запасы были там варений, солений, печений!» [Гончаров 1998: 110]), если не главной, то важной для Гончаровых заботой была «забота о пище».

В купеческом доме Гончаровых царил традиционный уклад, который племянник писателя А. Н. Гончаров сравнивал с «византийским». На духовную жизнь семьи оказывало влияние и старообрядчество представителей рода Гончаровых. Отец писателя Александр Иванович, по воспоминаниям того же племянника, «был очень благочестив и слыл “старовером”» [И. А. Гончаров в воспоминаниях современников 2012: 98]. А «у бабушки, Авдотьи Матвеевны [матери романиста – Е. К., И. М.]», даже «висел портрет во весь рост ... юродивого ... в длинной до пят рубашке», а также «был

большой киот, перед которым горела синяя лампадка» [Там же]. В барском доме Обломовых утро маленького Илюши начинается именно с визита в комнату маменьки, которая, предварительно осыпав его поцелуями и порасспросив няню о здоровье сыночка, наконец, подводит мальчика «к образу»: «Там, став на колени и обняв его одной рукой, подсказывала она ему слова молитвы» [Гончаров 1998: 106].

«Три главные акта жизни», разыгрывавшиеся в семье – «родины, свадьба, похороны» [Гончаров 1998: 122] – Гончаровы на протяжении полутора веков вносили в семейный хронограф – «Летописец»¹, который завёл ещё дед писателя. В домашней рукописной книге рукой отца романиста сделана запись о рождении И. А. Гончарова: «1812 года июня 6 дня родился сынъ Иван а именинникъ июня 24 дня» [Гончаровский летописец 1996: 283]. В том же «Летописце» мог прочитать Иван Гончаров записи деда о редких, поразивших его явлениях природы, в том числе, например, об огненных и багровых столбах на небе, которые «верхними концами сошлись подобно радуге а было оногo знамения четыре часа и больши» [Там же: 287]. И обломовцам в романе так же вдруг являлись «знамения небесные, огненные столпы да шары» [Гончаров 1998: 117]. Как и жители Обломовки, Гончаровы вели счёт времени по праздникам, по временам года, по разным семейным и домашним случаям. «Норма жизни» была преподана предками и соблюдалась в неприкосновенности. Так же, как и об Илюше Обломове, И. А. Гончаров мог сказать о себе: «Ни одна мелочь, ни одна черта не ускользает от пытливого внимания ребёнка; неизгладимо врезывается в душу картина домашнего быта; напитывается мягкий ум живыми примерами и бессознательно чертит программу своей жизни по жизни, его окружающей» [Там же: 109].

Часть дома занимал крёстный отец писателя симбирский дворянин Н. Н. Трегубов, принимавший деятельное участие в воспитании И. А. Гончарова и становлении его личности. Купеческий сын Иван Гончаров мог видеть в родном доме и дворянский быт. В детстве он наблюдал жизнь крёстного и его приятелей – подолгу гостивших у Трегубова симбирских помещиков, выведенных много лет спустя в очерке «На родине» под фамилиями Козырев и Гастурин: «С утра, бывало, они все трое лежат в постелях, куда им подавали чай

¹ Подробнее о рукописной книге, известной в научной среде как «Летописец семьи Гончаровых», см.: Маршалова И. О. Несколько слов по поводу первого издания «Летописца семьи Гончаровых» // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. № 1. 2014. С. 59–69.

или кофе. В полдень они завтракали. После завтрака они опять забирались в постели. Так их заставляли и гости» [Гончаров 1987: 258]. Тесное общение с крёстным и его друзьями позволило Гончарову хорошо узнать уклад жизни, нравственные принципы и душевный настрой, сформировавшиеся в дворянской среде определённого имущественного положения: «Мне кажется, у меня, очень зоркого и впечатлительного мальчика, уже тогда при виде всех этих фигур, этого беззаботного житья-бытья, безделья и лежанья, и зародилось неясное представление об “обломовщине”» [Там же]. Обломов И. А. Гончаров сделал частью этой знакомой ему с детства среды, а Н. Н. Трегубов стал одним из прототипов Ильи Ильича.

Приметы «обломовщины» писатель наблюдал с детских лет в явлениях и общественной, и частной жизни Симбирска. В Симбирске первой трети XIX в., как и в Обломовке, «тишина и невозмутимое спокойствие царствуют» [Гончаров 1998: 103] во всём¹. Уклад этот почти не менялся на протяжении тех десятилетий, когда И. А. Гончаров имел возможность созерцать его. Жизнь текла размеренно и спокойно, подчиняясь установленным обычаям и традициям. В Симбирске романист имел возможность наблюдать и своих будущих героев. Это были провинциальные обыватели, жившие спокойно и неторопливо: «Чиновник, советник какой-нибудь палаты, лениво, около двух часов, едет из присутствия домой, нужды нет, что от палаты до дома не было и двух шагов. Пройдёт писарь, или гарнизонный солдат еле-еле бредёт по мосткам. Купцы, забившись в глубину прохладной лавки, дремлют или играют в шашки» [Гончаров 1987: 259]. «Так и хочется заснуть самому, – сетует И. А. Гончаров в воспоминаниях, – глядя на это затишье, на сонные окна с опущенными шторами и жалюзи, на сонные физиономии сидящих по домам или

¹ Вместе с тем Симбирск конца XVIII – начала XIX вв. являлся крупным культурным центром Поволжья. Его значение увеличилось в 1796 г., когда по указу Екатерины II он стал губернским. Как все провинциальные города, Симбирск оживал зимой, когда из окрестных деревень съезжались дворяне. Начинались балы, в собрании, у губернатора, вечеринки почти во всех семейных домах. Каждый день обеды, вечера, два раза в неделю благородное собрание и театр. В воспоминаниях «На родине» Гончаров писал: «Губернские города, подальше от столицы, были, до железных дорог, оживленными центрами общественной жизни. <...>. Наша губерния особенно славилась отборным обществом родовитых и богатых дворян» [Гончаров 1987: 250]. «Несмотря на свою удалённость от столиц, – замечает В. И. Мельник, – Симбирск не был захолустьем. Более того, это был по-своему весьма примечательный город. В нём причудливо сочетались, с одной стороны, сонная обломовщина, глубокий неподвижный провинциализм, а с другой – энергичная, порою подвижническая деятельность обитателей города в самых различных сферах жизни». – Мельник В. И. Гончаров. М., 2012. С. 13.

попадающиеся на улице лица. “Нам нечего делать! – зевая, думает, кажется, всякое из этих лиц, глядя лениво на вас, – мы не торопимся, живем, – хлеб жуем да небо коптим!”» [Там же: 258–259]. Сравним в романе: «Вот день-то и прошёл, слава Богу! – говорили обломовцы <...>. – Прожили благополучно; дай Бог и завтра так!..» [Гончаров 1998: 115].

Не менее живописным и любопытным уголком земли оказалось для писателя в ранние годы жизни благодатное Архангельское (Репьёвка тож) – некогда село Ставропольского уезда Симбирской губернии, – послужившее одним из прообразов деревни Обломовки и села Верхлёва в романе «Обломов».

История настоящего топонима по-своему замечательна. Деревня Репьёвка была основана в конце XVII в. Располагалась за Волгой, на левой луговой стороне реки, в 20 верстах от города Симбирска, стоявшего на правом берегу Волги. В XVIII в. по построенной Михайло-Архангельской церкви село стало именоваться Архангельским. Настоящая судьба его оказалась плачевной: в середине 1950 гг. Архангельское было затоплено в связи с образованием Куйбышевского водохранилища¹.

Но в конце XVIII-XIX вв. Архангельское и расположенные рядом деревни и хутора, вместе принадлежавшие представителям старинного дворянского рода Наумовых, процветали. В 1820–1822 гг., когда здесь в частном пансионе священника Ф. С. Троицкого учился И. А. Гончаров, в Архангельском находились усадьбы Н. М. Наумова и княгини Е. А. Хованской (урожд. Наумовой), вдовы симбирского гражданского губернатора князя С. Н. Хованского [Князь С. А. Хованский 2007: 156–157].

¹ Перед затоплением земель несколько домов старого села Архангельское были перенесены на новое место. Они заложили основу села с тем же названием – современного с. Архангельское Чердаклинского района Ульяновской области.

Большую работу по изучению и популяризации истории родного края, в том числе его связи с жизненной и творческой биографией И. А. Гончарова, ведут сегодня ученики Архангельской средней школы. Под руководством учителя русского языка и литературы Т. А. Михайловой дети собирают воспоминания старожилов, формируют фотоархив, разрабатывают проекты и экскурсионные маршруты. В школе создана экспозиция «Архангельское – топоним Обломовки», ежегодно проводятся «Недели И. А. Гончарова». Систематическое обращение к творчеству великого писателя-земляка было отмечено присвоением школе в 2013 г. имени И. А. Гончарова.

Сергей Николаевич и Екатерина Александровна Хованские. С миниатюр
неизв. художн. 1800-е гг.

Ещё первые биографы писателя указывали на то, что впечатления о пребывании Вани Гончарова в селе Архангельском нашли отражение в описании Обломовки. Так, например, Е. А. Ляцкий писал: «Кроме Обломовки в городе, Гончарову была знакома Обломовка–деревня. <...>. Мы можем дать более определенные сведения об этом имении – оно находилось на правом берегу Волги и принадлежало княгине Хованской» [Ляцкий 1912: 61].

Село Архангельское с его простором степей, заливными лугами, множеством озёр, остававшихся после разлива Волги, изобилием рыбы и пернатой дичи вполне можно назвать, подобно Обломовке, «благословенным уголком земли». Даже рельеф местности Архангельского – степное Заволжье – совпадает с обломовским: «Нет ... там моря, нет высоких гор, скал и пропастей» [Гончаров 1998: 98], вместо гор – «ряд отлогих холмов, с которых приятно кататься, резвясь, на спине» [Там же: 99]. Неподаляку от Архангельского протекали речки Ботьма и Биркуль, впадавшие в Волгу. В «Обломове» – «река бежит весело, шая и играя; она то разольется в широкий пруд, то стремится быстрой нитью, или присмиреет, будто задумавшись, и чуть-чуть ползет по камешкам, выпуская из себя по сторонам резвые ручьи, под журчанье которых сладко дремлется» [Там же: 99–100].

Климат в Заволжье всегда был особенно сухим и жарким, даже более чем на правом волжском берегу. В упоминаемом нами письме к

Н. А. Майкову и его семье от 13 июля 1849 г. из Симбирска Гончаров делится впечатлениями от встречи с родными местами: «... какая свежесть, какая тишина, ясность и какая продолжительность в этой тихой дремоте чуть-чуть струящегося воздуха; кажется, я вижу, как эти струи переливаются и играют в высоту. И целые недели – ни ветра, ни облачка, ни дождя» [Гончаров 1955: 243–244]. Такое природное благоденствие характерно и для Обломовки, привидевшейся Илье Ильичу в сладком сне: «Солнце ... ярко и жарко светит около полугода. <...>. Там надо искать свежего, сухого воздуха, напоенного – не лимоном и не лавром, а просто запахом полыни, сосны и черемухи; там искать ясных дней, слегка жгучих, но не палящих лучей солнца и почти в течение трех месяцев безоблачного неба» [Гончаров 1998: 99–100].

Дворянам Обломовым принадлежали расположенные неподалёку три или четыре деревни: «... одна Сосновка, другая Вавиловка, в одной версте друг от друга. Сосновка и Вавиловка были наследственной отчиной рода Обломовых и оттого известны были под общим именем Обломовки. <...> Верстах в пяти от Сосновки лежало село Верхлёво...» [Там же: 105]. Отметим, что имения Наумовых – Архангельское, Головкино, Юрманки, Ивановка и др. – также располагались недалеко друг от друга. Рядом же с ними, между прочим, было и село Сосновка. В селе же Головкино, в 18 верстах от Архангельского, на Волге, располагалась хлебная пристань, упоминание о которой мы тоже находим на страницах романа. Крестьяне из Обломовки «в известное время возили хлеб на ближайшую пристань к Волге» [Там же: 103].

Наличие в Архангельском пансиона, где учился И. А. Гончаров, также давало основания биографам писателя указывать на прототипичность Архангельского и как Верхлёва, «принадлежавшего некогда фамилии Обломовых и давно перешедшего в другие руки» [Там же: 105]. Это был второй пансион, в котором И. А. Гончаров готовился к поступлению в Московское Императорское коммерческое училище. Первоначально он занимался в частном пансионе в Симбирске, о котором, судя по его письму к брату Николаю, вынес неслестные впечатления: пансион содержала «какая-то чиновница», «рьябая как тёрка, злая», там учащимся приходилось получать «ремнём по пальцам» за то, что «писали криво или высывывали язык, когда писали» [Новое время 1912: 7]. По совету крёстного отца Н. Н. Трегубова, мать писателя А. М. Гончарова предпочла выбрать другой пансион – в заволжском селе Архангельском, – который И. А. Гончаров вспоминал «с благодарностью» [Там же].

С. М. Шор. «Проводы Илюши в дорогу». Иллюстрация к роману «Обломов» И. А. Гончарова. *Гравюра на металле. 1936 г. УКМ.*

Выбор настоящего учебного заведения, по-видимому, объясняется тем, что Гончаровы и Трегубов были знакомы с содержанием пан-

сиона, священником Ф. С. Троицким и его женой¹, когда те какое-то время жили в Симбирске. Дом Гончаровых находился в приходе Вознесенской церкви, где в 1817–1818 гг. Ф. С. Троицкий служил вторым священником. Кроме того, Н. Н. Трегубов был издавна знаком с владельцами Архангельского и окружавших его имений дворянами Наумовыми. По свидетельству симбирского биографа писателя М. Ф. Суперанского, «пансион для детей окрестных помещиков, усадьбы которых были многочисленны в симбирском Заволжье», устроил «человек солидный, хорошо образованный, высоко ценимый в качестве педагога местными аристократами. Кроме того, в пансионе (как передают) преподавали домашние учителя Хованской и других богатых помещиков» [Суперанский 1916: 173]. По предположению Е. К. Беспаловой, «обучение и воспитание в этом пансионе, в какой-то степени, проходило под влиянием масонов. Ведь не случайно Г. Н. Потанин называл его “особенно оригинальным, под фирмою: для местных дворян”» [Беспалова 2002: 133]. Дом, где размещался пансион, по замечанию М. Ф. Суперанского, стоял «среди села, на церковной площади, окаймлённой старыми парками и помещичьими усадьбами» [Суперанский 1916: 173]. Из него открывался на запад вид на длинную сельскую улицу, оканчивающуюся полями Заволжья, за которыми синели горы симбирского берега Волги.

Рассказывая в автобиографии о своей учёбе в пансионе Троицкого, И. А. Гончаров прежде всего отмечает, что у жены священника Варвары Антоновны, немки по происхождению, «он положил основание изучению французского и немецкого языков» [Гончаров 1955: 225]. Не менее важным для него оказалось и то, что в

¹ «Е. А. Ляцкий высказал мнение, что Троицкий “напоминает верхлёмского старика Штольца” (Ляцкий Е. А. Гончаров: Жизнь, личность, творчество. СПб., 1912. С. 62). Он также приписывал Гончарову использование факта национальности жены Троицкого – немки Лицман: “...немцу соответствовала немка <...> жена священника, учившая детей немецкому и французскому языку” (Ляцкий Е. А. Гончаров: Жизнь, личность, творчество. Стокгольм, 1920. С. 66). Существует и биографическое совпадение: жена Ивана Богдановича Штольца в молодости была гувернанткой, жена Троицкого до замужества служила гувернанткой у дворян Филатовых. Однако большинство исследователей жизни и творчества писателя не указывают на Троицкого как на прототип Ивана Богдановича Штольца.

Троицкий стал прототипом Николая Ивановича в романе И. А. Гончарова “Обрыв” – “молодого священника” из села за Волгой, мужа Натальи Ивановны, подруги Веры. По словам Татьяны Марковны, “поп умный, из молодых, – только уж очень по-светски ведёт себя: привык там в помещичьем кругу. Даже французские книжки читает и покуривает – это уж и не пристало бы к рясе...” (Гончаров И. А. Обрыв // VII, 430). Вера со священником читала Вольтера, Спинозу, некоторых энциклопедистов. По словам Веры, она “многим ему обязана” в своём развитии» [Клевогина].

пансионе «была разрозненная небольшая библиотека» [Там же: 228], где любознательный мальчик нашёл заинтересовавшие его книги и пристрастился к чтению. Именно здесь впервые Гончаров читал сочинения Державина, Карамзина, Ломоносова, Жуковского, Голикова, Фонвизина и др. Одновременно с произведениями отечественных авторов он читал иностранную беллетристику: Расина, Тасса, разрозненные тома Вольтера, Эккартсгаузена, Руссо, Стерна, романы Радклиф, Жанлис. С особым увлечением изучал описание путешествий Кука, Мунго-Парка, Крашенинникова. «Это повальное чтение, – отмечал И. А. Гончаров в автобиографии, – <...>, открыв мальчику преждевременно глаза на многое, не могло не подействовать на усиленное развитие фантазии, и без того слишком живой от природы» [Там же]. Книги о путешествиях заронили «желание, конечно тогда ещё неясное и бессознательное, видеть описанные в путешествиях дальние страны» [Там же: 225].

О знаниях, которые И. А. Гончаров приобрёл в заволжском пансионе, можно судить по аттестации его при поступлении в 1822 году в Московское Императорское коммерческое училище. В журнале конференции этого училища о Гончарове говорится: «... читать и писать по российски, немецки и французски умеет и обе части арифметики знает достаточно; обучался также и Закону Божию, священной истории, российской грамматике и основаниям всеобщей географии» [Суперанский 1912: 19].

Воспоминания о пансионе Троицкого романист использовал в описании пансиона Ивана Богдановича Штольца в Верхлёве, где Илюша Обломов «учился, как и другие, как все, то есть до пятнадцати лет» [Гончаров 1998: 60]. Читаем далее в «Обломове»: «... Илья Ильич вдруг увидел себя мальчиком лет тринадцати или четырнадцати. Он уже учится в селе Верхлёве, верстах в пяти от Обломовки, у тамошнего управляющего, немца Штольца, который завел небольшой пансион для детей окрестных дворян» [Там же: 119]. Пансион Штольца, как и пансион Троицкого в Архангельском, видимо, был открыт недавно: кроме Илюши Обломова в нём учился Андрей Штолец, «почти одних лет с Обломовым», и ещё один мальчик, «кроме этих детей, других ещё в пансионе пока не было» [Там же: 120].

Автобиографический характер, по-видимому, носит и описание сборов в Верхлёво Илюши Обломова: отправляя барчонка на обучение к немцу, «не знают, чем и накормить его в то утро, напекут ему булочек и крендельков, отпустят с ним соленья, печенья, варенья, пастил разных и других всяких сухих и мокрых лакомств и даже

съестных припасов» [Там же: 137]. Часто заботливые родители оставляли Илюшу дома по случаю праздников, приезда гостей, плохой погоды: «И все в доме были проникнуты убеждением, что ученье и родительская суббота никак не должны совпадать вместе или что праздник в четверг – неодолимая преграда к ученью во всю неделю» [Там же: 138]. Можно предположить, что и маменьке Ванюши, Авдотье Матвеевне Гончаровой, нелегко было отпускать из дома младшего сына далеко и надолго, и она иногда поступала подобным образом.

Помимо прототипичности пансиона Троицкого пансиону Штольца можно найти и значимые совпадения между реалиями жизни князей Хованских, которую наблюдал Гончаров в Архангельском, и описанием жизни в барском доме в Верхлёве¹.

Через много лет заволжские впечатления И. А. Гончарова вошли в ткань его самого знаменитого романа. Опираясь на симбирские, архангельские впечатления и воспоминания, писателю удалось создать живой, ёмкий и многогранный образ Обломовки. «В картинах Обломовки, сочетающих скрупулёзные реалистические детали с почти символическими, – по меткому замечанию одного из авторитетнейших исследователей творчества И. А. Гончарова Е. А. Краснощёковой, –

¹ «У Хованских, так же как и у княжеской пары в романе, было пятеро детей, примерно одного возраста с Гончаровым. Барский дом Хованских, по воспоминаниям, “громадный, красивый <...> с бесконечным числом комнат, с разными "половинами", как во дворцах, биллиардной, библиотекой, разными гардеробными <...> с обширным залом в два света <...> где высокие до полу окна выходили в тенистый сад” (Буланова-Трубникова О. Странички воспоминаний // Былое. 1924. № 24) – напоминает княжеский замок в Верхлёве “с широким раздольем барской жизни”: “... в самом Верхлёве стоит, хотя большую часть года пустой, запёртый дом, но туда частенько забирается шаловливый мальчик [Андрей Штолец. – И. С.], и там видит он длинные залы и галереи, темные портреты на стенах...” (Ч. I, гл. IX; IV, 157, 156).

По воспоминаниям М. Ф. Де-Пуле, “...Архангельское очень часто видело у себя громадные съезды гостей, не только из окрестных деревень, но из Симбирска, Ставрополя и Самары” (Де-Пуле М. Ф. Отец и сын. Опыт культурно-биографической хроники // Русский Вестник. 1875. Т. 117. С. 186). Княжеский замок в Верхлёво “года в три раз <...> вдруг наполнялся народом, кипел жизнью, праздниками, балами; в длинных галереях сияли по ночам огни. Приезжали князь и княгиня с семейством...” (Ч. I, гл. IX; IV, 156). Дом, в котором кроме князя и княгини поселялись их дети, гувернантки, учитель музыки, “целая шайка горничных, наконец, стая собак и собачонок”, представлял собой “весёлый и живой мир”, наполнявший Архангельское-Верхлёво “шумом, гамом, стуком, кликами и музыкой” (Ч. I, гл. IX; IV, 157). Иван Гончаров, так же, как и Андрей Штолец, “жадно и бессознательно” вглядывался в эту жизнь, наблюдая “типы этой разнородной толпы, как пёстрые явления маскарада” (Ч. I, гл. IX; IV, 157)» [Смирнова].

постепенно проступает глубинный замысел: максимально расширить толкование образа усадьбы (деревни) до превращения её в образ целой страны» [Краснощёкова 1997].

ЛИТЕРАТУРА

Беспалова Е. К. И. А. Гончаров и симбирские масоны: к вопросу о реалиях очерка «На Родине» // Русская литература. 2002. № 1. С. 124–135.

Гончаров И. А. На родине / Сост., автор вступ. ст. и примеч. В. А. Недзвецкий; Худож. А. Денисов. М., 1987.

Гончаров И. А. Обломов // Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 тт. Т. 4. СПб., 1998.

Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 тт. Т. 8. М., 1955.

Гончаровский летописец (Выпуск I) / подгот. текста и примеч. Ю. М. Алексеевой. Ульяновск, 1996.

И. А. Гончаров в воспоминаниях современников / Сост. О. А. Демиховская и Е. К. Демиховская; вступит. ст. О. А. Демиховская. Ульяновск, 2012.

И. А. Гончаров – Н. А. Гончарову. Декабрь 1867 г. // Новое время. 1912. № 13038. С. 6–7.

Клевогина Е. Б. Троицкий Фёдор Степанович // «Обломовская энциклопедия». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=8316>. (дата обращения: 02.12.2016)

Князь С. А. Хованский. Князя Хованские. М., 2007.

Краснощёкова Е. А. И. А. Гончаров. Мир творчества. СПб., 1997. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/gonchar/critics/kra/kra-001-.htm>. (дата обращения: 02.12.2016)

Ляцкий Е. А. Гончаров. Жизнь, личность, творчество. Критико-биографические очерки. СПб., 1912.

Смирнова И. В. Архангельское // «Обломовская энциклопедия». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=8316>. (дата обращения: 02.12.2016)

Суперанский М. Ф. Материалы для биографии И. А. Гончарова // Огни. Кн. I. Пг., 1916. С. 157–229.

Суперанский М. Ф. Воспитание Гончарова // Русская школа. 1912. № 5–6. С. 1–19.

REFERENCES

Bespalova E. K. I. A. Goncharov i simbirskie masony: k voprosu o realiyakh ocherka «Na Rodine» // Russkaya literatura. 2002. № 1. S. 124–135.

Goncharov I. A. Na rodine / Sost., avtor vstup. st. i primech. V. A. Nedzvetskiy; Khudozh. A. Denisov. M., 1987.

Goncharov I. A. Oblomov // Goncharov I. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 tt. T. 4. SPb., 1998.

Goncharov I. A. Sobr. soch.: V 8 tt. T. 8. M., 1955.

Goncharovskiy letopisets (Vypusk I) / podgot. teksta i primech. Yu. M. Alekseevoy. Ul'yanovsk, 1996.

I. A. Goncharov v vospominaniyakh sovremennikov / Sost O. A. Demikhovskaya i E. K. Demikhovskaya; vstupit. st. O. A. Demikhovskaya. Ul'yanovsk, 2012.

I. A. Goncharov – N. A. Goncharovu. Dekabr' 1867 g. // Novoe vremya. 1912. № 13038. S. 6–7.

Klevogina E. B. Troitskiy Fedor Stepanovich // «Oblomovskaya entsiklopediya». [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=8316>. (data obrashcheniya: 02.12.2016)

Knyaz' S. A. Khovanskiy. Knyaz'ya Khovanskiy. M., 2007.

Krasnoshchekova E. A. I. A. Goncharov. Mir tvorchestva. SPb., 1997. [Elektronnyy resurs]. URL: <http://feb-web.ru/feb/gonchar/critics/kra/kra-001-.htm>. (data obrashcheniya: 02.12.2016)

Lyatskiy E. A. Goncharov. Zhizn', lichnost', tvorchestvo. Kritiko-biograficheskie ocherki. SPb., 1912.

Smirnova I. V. Arkhangel'skoe // «Oblomovskaya entsiklopediya». [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=8316>. (data obrashcheniya: 02.12.2016)

Superanskiy M. F. Materialy dlya biografii I. A. Goncharova // Ogni. Kn. I. Pg., 1916. S. 157–229.

Superanskiy M. F. Vospitanie Goncharova // Russkaya shkola. 1912. № 5–6. S. 1–1